

Филатов В. А.

Последний чебурек.

Виктор Филатов
Последний чебурек

«Автор»

2026

Филатов В.

Последний чебурек / В. Филатов — «Автор», 2026

Будущее. Мир победил голод и неравенство. Еда превратилась в безликие питательные пасты, а национальные кухни объявлены вне закона. Старый повар Айрат, потерявший всё, получает смертельный диагноз: его память о вкусах умирает. Он решает совершить последний акт неповиновения — приготовить один-единственный чебурек по рецепту отца. Но его личная война за воспоминание становится городской легендой, а затем и искрой, от которой разгорается настоящая революция — тихая, пахнувшая луком и хлебом. «Последний чебурек» — это антиутопия о выборе между удобством и душой. Книга, после которой вы захотите замесить тесто своими руками.

© Филатов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктор Филатов

Последний чебурек

Глава

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕБУРЕК

Пролог.

Закрытие

Они закрывали «Восточный дворик» в понедельник, в обед.

Это был не налёт, не погром. Это была процедура. Подъехали два серых аэрокара с голограммой «Единая Санитарная Инспекция». Из них вышли не солдаты, а молодые люди и девушки в строгих серо-голубых комбинезонах. У них были планшеты и бесшумные сканеры.

Старый Айрат, отец нашего Айрата, стоял за стойкой, вытирая руки о некогда белый, а теперь впитавший в себя запахи тридцати лет фартук. Он смотрел, как они входят, и не спрашивал. Он ждал.

«Айрат Гафанович?» — старшая инспектор, женщина с гладкой, как куриное яйцо, причёской, посмотрела на планшет, потом на него.

Он кивнул.

«На основании предписания № 47-Г/2032 «О тотальной санитарной оптимизации сетей общественного питания» ваше заведение подлежит закрытию. Вы имеете право ознакомиться с документами».

Она протянула планшет. На экране был сложный документ с печатями, графиками, ссылками на «эпидемиологические риски», «несоответствие параметрам воздушной среды» и «потенциальную социальную дестабилизацию из-за неконтролируемого распространения специфических пищевых паттернов».

Старый Айрат не стал читать. Он отодвинул планшет.

«Когда?»

«В течение двух часов. Мы предоставим услуги по утилизации нестандартного оборудования».

Тут в дверь заглянул наш Айрат, тогда ещё не старый, а просто взрослый. Он замер на пороге, увидев гостей. Отец поймал его взгляд и еле заметно покачал головой: Молчи. Ничего не говори.

Началась ликвидация. Это не выглядело злобно. Это выглядело технологично. Они работали быстро, почти бережно. Сняли со стен старые фотографии и медный казан, который передавался в семье три поколения — «предмет, не подлежащий сертификации». Складные столики и табуретки сложили в стопку — «возможна вторичная переработка». Деревянную стойку, протёртую до блеска тысячами локтей, они обмерили сканером и покачали головами: «Материал пористый, невозможна стерилизация. Утилизация».

Наш Айрат наблюдал, как они выносят сердце заведения — ту самую плиту, на которой шипел жир в глубоких чугунных сковородах. Один из молодых инспекторов, парень лет два-

дцати, нёс её осторожно, но его лицо было искажено не напряжением, а... брезгливостью. Он нёс не инструмент труда. Он нёс артефакт варварства.

И тут случилось единственное, что нарушило тишину процедуры. Старый Айрат не выдержал. Он шагнул вперёд и положил ладонь на прохладный чугун плиты, которую уже выносили за дверь.

«Можно... хоть сковороды оставить? На память?»

Инспекторша взглянула на него с холодным, профессиональным сожалением.

«Чугун — источник оксидов и потенциальных бактериальных сред. Он не подлежит бытовому хранению. Не переживайте. Всё нестандартное оборудование будет заменено на сертифицированные разогреватели паст и гелей ЕПС. Это безопаснее, гигиеничнее и социально справедливее».

«Социально справедливее», — беззвучно повторил про себя старый Айрат, отнимая руку. Его ладонь была чёрной от старой сажи, вьёвшейся в кожу за жизнь. Он посмотрел на неё, потом на чистую, стерильную перчатку инспекторши.

Когда всё вынесли, в «Восточном дворике» остался только запах. Сложный, стойкий, многослойный: бараний жир, лук, тмин, дым, человеческий пот и что-то неуловимое — дух места. Он висел в воздухе, как призрак.

Инспекторша достала небольшой баллончик.

«Аэрозоль «Нейтрализатор-5». Устраняет любые органические запахи в радиусе пяти метров за тридцать секунд».

Она нажала на клапан. Раздалось мягкое пссс. Из баллончика вырвалось бесцветное облачко. Оно медленно расплзлось по помещению.

И запах начал умирать. Не выветриваться. Именно умирать. Сначала исчезла верхняя нота — дым и жир. Потом — средняя, луково-пряная. Последней ушла та самая, неуловимая основа — дух. Воздух стал чистым. Совершенно чистым. Таким, каким он бывает в операционной или в космосе. В нём не было ничего.

Инспекторша удовлетворённо кивнула, делая пометку в планшете.

«Всё в порядке. Помещение соответствует параметрам для последующей перепрофилирующей дезинфекции. Хорошего дня».

Она вышла. За ней ушли остальные. Аэрокары, бесшумно работая на магнитной тяге, уплыли в серую мглу города.

Отец и сын остались стоять посреди пустого, стерильного квадрата, который ещё пять минут назад был их миром. Старый Айрат подошёл к тому месту, где раньше была стойка. Присел на корточки. Провёл рукой по полу. Ни пылинки. Идеальная чистота.

«Отец...» — начал было наш Айрат.

Старый Айрат поднял голову. На его лице не было ни злобы, ни отчаяния. Только глубокая, вселенская усталость.

«Видишь, сынок? — тихо сказал он. — Они даже пыль убили. Ту, что за тридцать лет нажилась. В ней же вся наша жизнь была. Каждая крошка... каждый упавший кусочек теста...»

Он встал, пошатываясь. Выпрямил спину, снял фартук. Подержал его в руках, словно взвешивая, а потом бросил в угол, на идеально чистый пол.

«Идём. Всё кончено».

Он вышел, не оглядываясь. Наш Айрат задержался на секунду. Он сделал глубокий вдох, пытаясь поймать хоть крупицу того, что было. Но в лёгкие вошёл только холодный, мёртвый, идеально отфильтрованный воздух.

Снаружи, на улице, уже висело новое голографическое объявление на месте старой вывески: «Скоро открытие! Точка выдачи Единой Пищевой Системы № 47-Г. Ваше здоровье — наш приоритет».

Они пошли домой. А позади них навсегда закрылась не просто забегаловка. Закрылась эпоха. Эпоха, в которой еда умела пахнуть, шипеть и оставлять на душе тёплый, жирный, безупречно несовершенный след.

Глава 1.

Паста №3

Свист пара был единственной музыкой в цеху. Глухой, монотонный, он заглушал даже мысли. Айрат стоял у конвейера, наблюдая, как бесцветная, чуть вязкая субстанция заполняет одинаковые капсулы. Паста №3. Пищевой комиссариат определял её вкус как «нейтрально-умиротворяющий». Для Айрата она была вкусом ничего. Вкусом белой стены, тихого гула и прожитых лет. Вкусом мира, который победил.

Как это вышло, отец? — начал он свой ежедневный, беззвучный разговор. — Не с грохотом. С тихим гудением. Вот таким.

Его руки, широкие, с короткими сильными пальцами, когда-то ловко месившие эластичное тесто, теперь лишь нажимали кнопки на панели. «Стерилизация. Фасовка. Укупорка». Цикл повторялся каждые сорок семь секунд. Ровно столько, сколько когда-то требовалось, чтобы слепить идеальный чебурек. Его ладони, глядя на которые теперь, можно было подумать, что они всегда знали только гладь пластика, вдруг вспомнили странное ощущение — лёгкое сопротивление живого теста.

Помнишь, как они пришли в первый раз? Не с оружием. С актами проверки. «Единый Санитарный Протокол», — сказал молодой парень в новой форме. Ты смотрел на его бумаги, а я — на его руки. Чистые, без царапин, без следов от ножа или ожога от казана. Руки человека, который никогда не держал ничего живого.

Цех №47 был похож на огромный инкубатор. Белый свет, белые стены, белые комбинезоны работников. Воздух фильтровался, запахи уничтожались на молекулярном уровне. Здесь не пахло едой. Здесь пахло чистотой, граничащей со смертью. На стене, как и во всех общественных местах, светился лозунг: «ЕДИНАЯ ЕДА – ЕДИНЫЙ НАРОД. РАЗНОВКУСИЕ – РАЗНОБОЙ».

За спиной Айрата мягко щёлкнул динамик. Приятный, лишённый пола голос произнёс: «Айрат К. Перерыв на приём нутриентов. Пожалуйста, проследуйте в зону. Оптимальное время приёма — 12 минут. Это повысит вашу продуктивность и рейтинг Лояльности». Голос звучал так, словно заботился. Айрат вздрогнул от внезапности — этот голос всегда появлялся неслышно, как мысль системы.

Он взял свой персональный батончик «ТоталНутришн» (формула «День-Вечер», с легким седативным компонентом) и направился в зону приема пищи. Не столовую. Столовая — это где стоят столы, звенит посуда, смешиваются голоса. Это была зона: десять прозрачных кабинок, где одинокие фигуры молча жевали свои порции, уставившись в экраны персональных терминалов. В окно, занимавшее всю дальнюю стену, был виден ЕдиныйГрад — симметричные башни в серо-стальных тонах, между которыми бесшумно скользили капсулы общественного транспорта. Ни одной вывески, ни одного нестандартного цвета. Порядок.

Айрат сел в кабинку. Дверь закрылась без звука. Он отломил кусок батончика. Плотный, чуть сладковатый, с послевкусием витаминов и чего-то химически-миндального. Он раз-

мял его во рту, закрыл глаза, и его пальцы сами сжались, будто пытаюсь нащупать шершавую поверхность старой деревянной стойки.

А потом пришли «оптимизаторы», — продолжил он мысленный разговор, пока безвкусная масса таяла на языке. — Помнишь тот звук, отец? Не когда ломали мебель. А когда дробилка на улице перемалывала наш тандыр. Глину, которую ты сам обжигал. Звук сухой, короткий. Как будто кость сломали. И запах... не еды. Запах пыли. Пыли от нашей прошлой жизни.

На экране терминала проплывала новость: «СПБ пресекла попытку нелегального культивирования томатов в жилом модуле 45-Г. Нарушитель изолирован, продукт утилизирован. Напоминаем: домашнее производство пищевых продуктов угрожает эпидемиологической безопасности и является актом социального эгоизма».

Рядом, в соседней кабинке, двое молодых операторов обсуждали что-то, их голоса глухо доносились через стекло:

«...новую квоту на пасту №5 с фруктовым вкусоароматизатором выдали, слышал?»

«Да брось, это же для высшего рейтинга Лояльности. Нам со своим №3 не светит...»

Фруктовый вкусоароматизатор, — с горькой усмешкой подумал Айрат. А помнишь, отец, как мы резали курагу для плова? Настоящую, сморщенную, сладкую до терпкости. И она распаривалась в жире, отдавая рису весь свой сок...

Он машинально проглотил пасту. Но внутри, за ребрами, не утихало. Шевелилось что-то острое и горячее. Не тоска уже. Ярость. Тихая, вымороженная годами, но живая. Он поймал себя на том, что смотрит на свои руки, сжатые в кулаки, и видит в них не инструмент системы, а оружие. Оружие, которое помнит, как отбивать мясо.

Голос из динамика прозвенел снова, ласково: «Айрат К. Перерыв окончен. Пожалуйста, вернитесь на рабочее место. Ваша производительность стабильна. Продолжайте в том же духе».

Он встал. Его взгляд скользнул по стене за кабинками. Там, под слоем новой краски, чуть проступал призрачный контур. След от давно содранной таблички. Когда-то здесь висело старое, дурацкое, любимое правило цеха: «Чистота — залог, а вкус — закон». Закон отменили. Остался только залог. И свист пара.

Он вернулся к конвейеру. Паста №3 текла бесконечной рекой забвения. Айрат смотрел на неё и вдруг понял с пугающей, кристальной ясностью: они победили не силой. Они победили удобством. Предложили людям забыть о хлопотах, о выборе, о риске обжечься жиром или порезать палец. И люди согласились. Отдали вкус, запах, цвет и память в обмен на предсказуемый покой. В обмен на этот вечный, тихий свист.

И тогда, под этот свист, внутри него что-то щёлкнуло. Не сломалось — встало на место.

Нет, отец. Тридцать лет прошло думал забуду, нет не забыл. Не сдамся. Не отдам последнее, что у меня осталось — память о вкусе. Они могут отобрать муку, мясо, масло. Но не смогут отобрать это знание у меня в голове. Пока я дышу — я помню. Температуру жира. Звук шипения. Запах тмина.

Он шепотом, губами, которые почти не шевелились, произнёс самому себе клятву, от которой по спине пробежал холодок:

«Один. Всего один. Последний. Не для них. Для нас. Чтобы память не стала пастой. Чтобы она... хрустела».

Слова «последний чебурек» прозвучали в его сознании с такой физической силой, что он чуть не отшатнулся от конвейера. Это была не мечта. Это было решение. Твёрдое, как кость.

Цикл закончился. Начался новый. Сорок семь секунд. До конца смены — три часа, двести двадцать девять циклов.

Но теперь у Айрата был свой, тайный отсчёт. Отсчёт до того момента, когда свист пара наконец смолкнет, и его услышит долгожданное, живое, яростное ШИПЕНИЕ.

Глава 2.

Диагноз

Тишина в медикабинете была иного рода. Не производственная, а административная. Бесшумно работали фильтры, мигали индикаторы сканеров, и от этой тихой технологичности становилось ещё холоднее. Айрат сидел на краю кушетки, чувствуя, как неловко его крупное, привыкшее к иному масштабу движений тело смотрится в этом стерильном, минималистичном пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.